

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р88

В оформлении переплета используется
иллюстрация художника *Михая Тимошенко*

Рус, Дмитрий.

Р88 Дети апокалипсиса / Дмитрий Рус. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-110705-5

Однажды утром в мире проснулись лишь дети. От пяти и до шестнадцати.

Последнее, что увидели взрослые, — фантастический метеоритный дождь, накрывший города-миллионники.

Сашка проснулся с трудом и одним из последних — за время недельного сна ему исполнилось семнадцать...

Новый мир оказался неласков. Дети злы. А в мире без правил — беспощадны. Лютуют банды, насилие как норма, льются кровь пацанов и девичьи слезы.

А тем временем у непохороненных взрослых прорезаются клыки, а в голове у Сашки ревет от бешенства инопланетная тварь...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110705-5

© Рус Д., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Пробой пространства. Сообщение Лорду
гранд-лордов.*

*«Сила благосклонна. Найдено потенциаль-
ное Гнездовье. Индекс совместимости биомассы
близок к идеальному. Принято решение об экс-
пансии Полного Круга. Накрыто крылом сорок
инкубаторов. Яслям дарован масштабируемый
Враг. Сорок миллионов Искр покинули родовые
хранилища. Дети лордов встали на Путь. В гор-
ниле схватки да родится Сильнейший! Честь и
Пламя!»*

ГЛАВА 1

— **П**ить... — прошептал я беззвучно, с болезненным хрустом взламывая корку на спекшихся губах.

Трещины мгновенно набухли вязкой кровью. Рефлекторно сглатываю.

Соленая, не утоляющая жажду влага скупно смочила пересохшее горло. Окаменевшим связкам вернулась крупница эластичности.

— Пить!.. — прохрипел я немного уверенней.

Набравший силу голос разогнал липкую тишину.

Невдалеке кто-то взвыл — неверяще, восторженно и влюбленно. Загрохотала опрокинутая посуда, дробно затопали мелкие когтистые лапы — с заносами и прокрутами в интуитивно узнаваемых местах.

Ламинат кухни... паркет коридора... скрипящий порожек дверного проема... истертый ковер у дивана...

Знакомые звуки срывали печати с воспоминаний, вытаскивая меня из вязкой трясины болезненного сна.

«Ночь звездопада! Событие тысячелетия — раскройте глаза и кричите от восторга! Сегодня можно все! Выходите на улицы, поднимайтесь на крыши, танцуйте на шоссе!»

Я встряхнул головой, окончательно приходя в себя. Захлебывающиеся эмоциями голоса телеведущих звенели в мозгах зацикленным эхом.

«Сорок источников метеоритных потоков! Зрелище, способное перехватить дыхание! Завороженно молчат космонавты на МКС! И не стоит прислушиваться к паникерам — пилоты ведь тоже люди, простим им минутную слабость! Наверняка восторженно припали к иллюминаторам и совсем позабыли о времени!

Вы только представьте Землю с орбиты — планета сверкает, словно рождественская елка в отблесках тысяч салютных залтов!

Ох, как же нам сейчас завидуют американцы! На прямой связи со студией наш корреспондент из Нью-Йорка!

— Александр, я вижу вокруг вас множество грустных лиц! Расскажите, как вам наблюдается это невероятное, потрясающее и без преувеличения — уникальное метеоритное шоу в этот ослепительно-яркий солнечный полдень?»

Болезненно откашливаюсь сухим горлом и вновь трясу головой. Бррр!!!

Вспыхивающие росчерки на фоне ночного неба — это я помню. А еще — заплонившие ули-

цы толпы народа и все нарастающее ощущение тревоги.

«Спешите загадать желание! Океан желаний! Падающих звезд хватит на всех!

Напоминаем! Невероятное зрелище можно наблюдать не везде! Астрономы в недоумении, но звездопад четко локализован. Он приходит синхронными волнами, накрывая город за городом. В России метеоритные потоки сконцентрированы над обеими столицами, Нижним Новгородом, Екатеринбургом и...»

Память постепенно возвращалась. Зацепившийся за очередную картинку разум вывалил на меня пестрый калейдоскоп образов.

З звездопад действительно выгнал на улицы всех!

Не спали даже подслеповатые старушки. Согнав с ночных лавочек дворовую шпану и подстелив на сырое дерево клетчатые пледы, они стройными рядками рассаживались вдоль подъездов. Сморщенные лица задумчиво глядели в небеса и пугали прохожих отблесками звездного света в пустых бельмах выцветших глаз.

Помню сорвавших голоса полицейских, обильно потеющих в тяжелых бронезилетах и хмуро косящихся на ночное небо. Многочисленные патрули из напряженных нацгвардейцев. Ну и настойчивое пиликанье телефона, спящего все более тревожными эсэмэсками от Системы Глобального Оповещения.

«Внимание! Во избежание несчастных случаев, в ночь с 18 на 19 июня рекомендуем Вам не покидать свое жилище. Избегайте мест массового скопления людей и выполняйте требования сотрудников служб МВД и МЧС».

Воспоминания обретали все большую четкость. Спеша восстановить целостность вчерашнего дня, они накладывались друг на друга, возводя нелепые торосы и одаря все возрастающей головной болью.

Помню, как во дворах кучковались толпы моих сверстников — скучающих подростков и вчерашних выпускников, лениво добивающих остатки лета. Будущие пэтэушники, стройбатовцы, фигуранты уголовных дел и криминальных некрологов. Лузг семок, ленивое цвирканье слюной, ядреный выхлоп дешевого пива...

Ну хреновый у нас район, что подделаешь? Зона реновации, принудительного расселения и социального жилья, посреди которого зачем-то воткнули два дома для военнослужащих.

Что это — чья-то глупость, финансовая афера или социальный эксперимент? Типа — смогут ли три сотни офицерских семей навести порядок в бетонном муравейнике дешевого новостроя? Так я вам отвечу — хрен там! По крайней мере — в рамках современного законодательства.

Всплывающие в памяти лица царапнули душу ощущением близких неприятностей. Привыч-

но заныл шрам над бровью, однозначно вангующий о скором мордобое. Воспоминания злоратно зачастили новыми слайдами — надменные рожи, сбитые в кровь кулаки, темные пятна на асфальте.

Млин, точно! Вчера у самого подъезда я напоролся на шестерок Зураба, резко осмелевших от выпитого пива и ночной темноты.

Сознание трусливо поджало хвост и вновь попыталось свалить.

Вновь? Кажется, я просыпаюсь уже не в первый раз...

Мысли поплыли, убаюкивающая тьма уверенно возвращалась...

Приближающийся топот мелких когтистых лап закончился характерным шлепком о ковер. Я привычно напрягся, принимая рухнувшую на грудь тушку.

Столкновение оплеухой встряхнуло разум.

— Ратник... — просипел я и поневоле улыбнулся, вновь калеча потрескавшиеся губы и болью расплачиваясь за эмоции.

Крохотный дизель завелся с пол-оборота — кот затарахтел и принялся торопливо вылизывать мое лицо обжигающе-горячим языком. Ратник вел себя странно: то мурчал и ластился, то шарахался и тоскливо взывал.

Тревога за нежно любимую зверюгу качнула кровь адреналином. Что случилось с моим высокомерным и гордым кошаком? И что, в конце концов, происходит со мной?!

С трудом приподняв онемевшую руку, я погладил бархатистую шерсть кота. Хм, раньше он вроде поупитанней был...

Ратника была крупная дрожь. А ведь он не трус и имя свое получил не в кредит. Еще котенком схлестнулся с ошарашенным псом, задумчиво орошавшим одинокое дерево. Причем дрался кошка не забавы ради, а защищая мою сестру. И не то чтобы она нуждалась в защите, но право на гордое имя кот заслужил. Как и на кличку — после очередных косяков Ратника регулярно понижали в звании до почетного, но хулиганистого Ватника. Благо — раскрас подходящий. Георгиевский кот...

Мурлыканье усилилось, окончательно разгоняя давящую тишину. Сильный и подвижный, кот тыкался лбом в ладони, прихватывал пальцы острыми зубами, требуя ласки и радуясь пробуждению хозяина.

Антидепрессант ты мой замшевый...

Черт, да что ж мне хреново-то так?! И откуда эта вонь? Что за дикий коктейль из кошачьих ароматов, запахов немытого тела и застоявшегося общественного туалета? Плюс еще что-то, тревожное и напрягающее... Кровь, дым, гарь? Але, горим — не горим?

Оставив кота в покое, я спешно потянулся к глазам. Закисшим, намертво слипшимся, с колючим песком под веками. Полцарства за ведро воды!

Ценой десятка вырванных ресниц глаза все же удалось разлепить. Отодвинув настырного

кошака, я с трудом приподнял дрожащую от напряжения голову.

Дом, любимый дом.

Привычная палитра запахов, с трудом пробивающаяся сквозь помойную взвесь. Мамины палочки корицы в вазе, кальян на полке и масляные краски вездесущих рисунков сестры. Художница...

Висящие на стене часы с давно издохшей кукушкой печально указывали на полшестого. Маятник застыл неподвижно, цепочки противовесов исчерпали завод. Хм, я же с вечера их подкручивал? Неужели сломались? А ведь это единственное, что осталось от прадеда.

Он прислал их в апреле сорок пятого, в последней посылке из Германии, впечатлившись дивным механизмом. Деньги у командира стрелковой роты были — жалованье в полторы тысячи рублей и еще столько же в оккупационных марках. Плюс — компенсация на наем немецкой прислуги и ежемесячное право на десятикилограммовую посылку домой.

Сейчас мало кто знает о таких деталях — но в нашей семье историю помнят и берегут. Как и память о том, что прабабушка извлекла из часов полсотни иголок для «Зингера», бережно завернутые в вощеную бумагу и крепко выручившие семью в голодные послевоенные годы.

А прадед домой не вернулся. Погиб уже после Победы, четырнадцатого мая сорок пятого года, добывая в Курляндском котле остатки 15-й добровольческой латышской дивизии СС...

Отвлечшись от воспоминаний, прислушиваюсь.

Тихо-то как!

Непривычно тихо для любого дня недели и любого же времени суток. Лишь дробное топтание голубей по козырьку подоконника да неумолимое мурчанье Ратника, трудолюбиво массирующего передними лапами мятую майку на моей груди.

Выходящие на южную сторону окна прикрывают тяжелые шторы. Сквозь щели пробивается солнечный свет, вызывая полный диссонанс с непривычной тишиной.

Не шумит сотнями моторов проходящая через квартал четырехполосная дорога.

Не бьет по ушам мат строителей, сутками суетящихся на бетонном скелете очередного новостроя.

Да и стены не дрожат от перманентного ремонта в нашей недавно сданной многоэтажке.

Хм... Спонтанный выходной после фееричной ночи? Оправдание у людей имеется — ведь не каждое столетие Земля проходит сквозь аномальный кометный хвост?

Ох и кипела новостная лента в ожидании грандиозных событий! На интернет-форумах летела слюна, откладывались кирпичи и оглушительно рвались пуканы. Оказалось, что звездопад касается абсолютно всех! Астрологов и выживальщиков, экстрасенсов и домохозяек, оптимистов и параноиков.

В телевизоре тихо паниковали ученые, дикторы правительственных каналов имели бледный вид, а городские сумасшедшие поймали очередное обострение.

Хотя признаю — зрелище действительно оказалось выдающимся! Сотни одновременно падающих звезд! Шок и трепет!

Поймав себя на убежавших в сторону мыслях, я вновь нахмурился — что-то с моей головкой не так... Разум плывет — как после наркоза, легко срываясь на яркие слайды воспоминаний.

Закрутив головой, пытаюсь понять: который час? Судя по тому, куда добралось солнечное пятно на обоях, — день перевалил за вторую половину и дело уверенно идет к вечеру. Однако лихо поспал!

Это ж во сколько я лег?

Пнать в постель меня некому: отец безвылазно инспектирует гарнизоны, охраняющие границы нашей необъятной. Учитывая объявленный в войсках «оранжевый» уровень тревоги — дома он появится еще не скоро.

Ну а мать с сестрой принимают на даче принудительные солнечные ванны. Батя отправил их за город практически насильно, волевым решением главы семьи. Беспокоило его что-то в последние недели. Ходил все больше задумчивый и напряженный.

Я свое право на независимость отстоял, тяжелый взгляд отца выдержал. Крыть ему было нечем, ведь он сам не раз повторял: «Ты уже до-

статочно вырос для того, чтобы самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность».

Да, я могу проторчать всю ночь на балконе, залипнуть на диване с книгой или заиграться до рассвета на компе — никто слова поперек не скажет. Но утреннюю пробежку советить отменить не позволит, да и тренер поправки не даст. Скорее наоборот. Михалыч — дядька суровый, не признает он полумер. Либо закалит, либо сожжет. Жизнь на грани фола. И тяжело ему не столько без ноги, сколько без войны...

В квартире — полное ощущение нежилой пустоты. Порхает в тонком лучике света пыль, непривычная тишина давит на мозги. Кричать бессмысленно, но все же:

— Мам?.. Варя?..

Ответа нет. Ожидаемо, но...

Сердце сжимается в тревоге за близких. Батя — он любую беду сам в бараний рог свернет и на колени поставит. Но женщины...

И все же кричу вновь. Без надежды на ответ, скорее ища силы в магическом слове:

— Батя?

Тишина...

Кот прислушивается вместе со мной и так же разочарованно мявкает. Отца он уважает и в квартирной стае ранжирует высоко. Может быть, даже рядом с собой.

Треплю рыжего по загривку.

— Прорвемся, Ратник, не дрейфь!